

Илья Кабаков. «Человек, улетевший в космос из своей комнаты». 1985. Инсталляция, Центр Жоржа Помпиду, Париж

живопись — картины, «разорванные» вторжением фрагментов из советского прошлого, как будто на холст вывалили мятые фантики, расписанные сценами из соцреализма. И в Москву привезли многие из главных тотальных инсталляций Кабакова, начиная с предоставленного Центром Помпиду «Человека, улетевшего в космос из своей комнаты» (1985) и «Случая в коридоре возле кухни» (1988) и заканчивая теми, что давно превращены в реальные монументы (правда, не в России), в частности, «Как встретить ангела» (1998–2002).

Привезли инсталляцию 2001 года, давшую название проекту, «В будущее возьмут не всех». Так называлось эссе художника, опубликованное в 1983 году в эмигрантском журнале «А...Я». Инсталляция — это поезд, отъезжающий от платформы, на которой валяются брошенные холсты. Автора не видно — возможно, он опоздал?.. А на хвостовом вагоне вместо пункта назначения — бегущая строка: «В будущее возьмут не всех...».

В этом утверждении нет кокетства — речь не о славе, скорее о шансе начать новую жизнь, и вопрос, собственно, в том, нужно ли стремиться в это неизвестное, пугающее будущее, если все время оглядываться назад, как это делает Илья Кабаков в большинстве своих работ. Одна из них, «Лабиринт. Альбом моей матери» (1990), созданная по воспоминаниям матери художника, рассказывает о нем самом, хотя внимательный зритель, читающий полуслепые машинописные фрагменты этого страшного в своей правдивости мемуара, поймет, что инсталляция — обо всех нас.

Целый отдел орлов

Если искусство Кабакова — реакция на тоталитаризм, то Бротарс рефлексировал по поводу колониализма — вспомним, что Конго получила освобождение от бельгийской короны только в 1960 году, — и сетовал на консервативность музейных институций. Он и сам сидит на выставке в виде пародии на самого себя, куклы в костюме,

усевшейся в кресло на фоне ширмы. А на ширме нарисован пляж.

В этой снисходительной издевке весь Марсель Бротарс — еще можно вспомнить, что у Кабакова есть инсталляция «Пустой музей», а у Бротарса объект, представляющий собой шкаф с пустыми музейными витринами. Но никакие пустые витрины или нарисованные кастрюли с мидиями — почти как очаг на стене в каморке папы Карло — не сравнятся с главной мистификацией художника, которую он назвал «Музей современного искусства, отдел орлов» (1968). Этот «музей» стал реакцией на студенче-

ские волнения 1968 года. Студенты восставали против системных институций, и Бротарс следовал за ними. Разумеется, он сам этот воображаемый музей и возглавил, а «закрыв» лишь в 1972-м, когда оказалось, что публика на его фейк повелась, и «Отдел орлов» обрел настоящую музейную славу, тогда как ровно против этого Бротарс и восставал.

Он изобрел жанр «декоров», в которых соединил праздное прекрасное: пляжный зонтик, намекающий на солнце, игральные карты, обещающие флирт, — с функциональным злом, орудием убийства: винтовками, стоящими в ряд. Показав тем самым, что одно без другого не выживет. Демонстрируя эфемерность вечного искусства, Бротарс насыпал ковер из песка, на который поставил пальму в горшке. На случай, если песок сдует, на стене висит полотенце, на котором напечатан рисунок с той же пальмой. Это полотенце, по Бротарсу, не менее музейный экспонат, чем ковер из песка.

АЛЕКСАНДР МИРИДОНОВ

АЛЕКСАНДР МИРИДОНОВ

АЛЕКСАНДР МИРИДОНОВ

Выставка «Марсель Бротарс. Поэзия и образы» в Музее современного искусства «Гараж»

КАБАКОВ ВСЕГДА ЛЮБИЛ МУЗЕИ И ПОЧИТАЛ ИХ

«оазисами прекрасного». Бротарс музейные пространства скорее презирал. Но итог один — оба попали в музей